

18+

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Старый дом

К 300-ЛЕТИЮ Г. ПЕРМИ

Евгений Петров

Старый дом. К 300-летию г. Перми

«Издательские решения»

Петров Е.

Старый дом. К 300-летию г. Перми / Е. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519420-6

История зачастую складывается не только о жизни одного человека, целой страны, мира, но и одного конкретного дома. Причем, особенно, когда эта история рассказана...

ISBN 978-5-00-519420-6

© Петров Е.
© Издательские решения

Содержание

Старый дом	6
Пролог	7
История первая «Солдатка»	9
История вторая «Сокровища»	13
История третья «Напасть»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Старый дом К 300-летию г. Перми Евгений Петров

© Евгений Петров, 2021

ISBN 978-5-0051-9420-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Старый дом

*На сугробах кристально-холодных
Серо-желтые стебли стоят.
А крапивные листья поникшие
Под порывами ветра шуршат...
Старый дом позабыт, позаброшен
Затерялся в заросшем саду.
Снегом след на крыльце запорошен.
Стены стынют на зябком ветру.
Прохудилась вся крыша старая.
Дождь отчаянно капает вниз.
Перекрыто окно одеялами.
Обвалился оконный карниз.
Покосились стены усталые.
Бремя лет прижимает к земле.
Дом, вздыхая окон провалами,
Вспоминает о прежнем тепле.
Люди скрылись в квартирах удобных,
Бросив дом на холодном ветру.
И стоит он для них потерянный,
Одиноко и грустно ему...
Даже птицы, когда-то шумные,
Облетают его стороной.
И черемуха в блесках ягодных
Лишь кивает ему головой...*

Пролог

Дождь исхлестал улицу водяными нитями. Холодная вода противно заливалась за воротник. Под ногами хлюпало. В ботинках тоже. Егор торопливо шагал по улице, тоскливо оглядываясь.

Где-то тут должен быть родной дом, где он родился и вырос.

Огромное современное здание Лукойла, омытое дождем, горделиво стояло, презрительно посматривая на памятник основателю не то города, не то просто какого-то там завода.

Исторический центр города.

Одно это навевало определенные мысли. И далеко не самые приятные.

Егор миновал помпезное здание. Перед глазами открылась обычная деревенская улица. Это в центре-то города. Старые покосившиеся домики подслеповато следили за молодым человеком.

Дождь хлынул с новой силой. Впереди показались сырые от дождя ворота. Егор свернул с дороги. Ноги тут же поехали в расползающейся глине.

Скрипнула старая заржавевшая планка-запор. Нехотя отворилась высокая калитка. Мелькнул мимо ящик для писем, наполненный мятыми бумажками невошедших посланий. Под ногами пузырились мутно-рыжие из-за глины лужи. Мокрые травинки печально поникли под дождевыми струями.

Проплыл мимо один нахохлившийся дом. Второй. В непроходимых зарослях появился третий. Узкая тропинка вела Егора мимо колючих репейников. Мелькнула за повалившимся речным забором упавшая яблоня. Вишня, заплетенная лианами вьюнка, сиротливо выставляла напоказ редкие ягоды. Яркие кисти бузины сверкали в глубине заброшенного огородика. Резные листья крапивы угрожающе тянулись к Егору.

Молодой человек поспешно прошмыгнул к крыльцу под разросшейся огромной, выше двух этажей дома, ольхой.

На почерневшем склизком крыльце вызывающе торчала сломанная доска.

Осторожно, боясь оскользнуться, Егор поднялся по проседающим ступеням к двери. Висячий замок мокро поблескивал, пряча узкую скважину под ключ.

Звякнул проворачиваемый ключ.

Дверь с нежеланием подалась силе и отворилась.

Егор шагнул внутрь.

За порогом прямо на полу лежали многочисленные куски штукатурки. Молодой человек невольно взглянул на потолок. На глаза ему попала обнажившаяся обрешетка.

– Да, уж, – только и сказал Егор, – даже проходить-то страшно.

На промокшей стене огромным пятном расплзлась черная плесень. С потолка тонкой струйкой лилась вода. Егор невольно шагнул назад.

– Вдруг что на голову свалится.

– Не свалится, – раздался незнакомый скрипучий голос. – Проходи смело.

Егор испуганно огляделся.

– Кто здесь?

– Никого, – отозвался голос, – это только я...

– Кто ты?

– Ну, вот, – в скрипе неведомого голоса послышалась явная грусть, – меня уже не узнают...

– А должен?

– А ты как сам думаешь, если все детство провел под моим присмотром. Лазил по лестнице, когда еще и ходить особо не умел. Стучал молотком по доскам. Книги перелистывал, сидя на крыльце...

– Да, кто ты?

Дом вздрогнул, будто бы тяжело вздохнул.

– Я этот Дом, – наконец, проговорил скрипучий голос.

– Ты говоришь?

– Нужно же мне с кем-то поделиться. А то, видишь, во что я превратился. А когда-то... Я был молод и красив. Моложе остальных братьев. Первый хозяин меня для подселенцев построил.

– Когда?

– Ой! Не скажу. Давно. Почитай, уже больше ваших ста лет тут стою...

Дом помолчал.

– А давай-ка я тебе свою историю расскажу. Ну, насколько помню...

История первая «Солдатка»

– Давно это было, – заскрипел Дом, – я уж и не упомяну...

Он замолчал, тихохонько звякнув оконными стеклами.

– Давай рассказывай, – поежившись, покосился в окно Егор.

Выходить на улицу все еще не хотелось. Дождь никак не собирался переставать. Все лил и лил.

– Ну, хорошо, слушай. В общем, жила здесь некогда женщина. Таисией ее звали. Муж ее где-то пропал. Вроде где-то война шла...

Голос рассказчика неувовимо изменился. Зазвучало обычное многоголосье. Даже привычный уже скрип в голосе Дома неожиданно пропал.

«Как в каком-нибудь радиоспектакле, – внезапно подумал молодой человек, – вроде бы кто-то говорил о чем-то подобном...»

...

– Митька, обедать! – крикнула во двор Таисия, подзывая сына.

Она, напрягая мышцы, одним движением выхватила из огненного зева печи, слабо дребезжащий на ухвате, чугунок с картошкой и поставила на застеленный старенькой, но чистой скатеркой стол. Доски столешницы слабо прогнулись от призывной тяжести. Картошка ароматно парила, наполняя горницу душистым запахом. Таисия судорожно сглотнула набежавшую слюну и непроизвольно покосилась на висевшую на стене фотографию. Молодцеватый мужчина в ладно пригнанной форме снисходительно улыбался молодой женщине. Женщина тяжело вздохнула и присела на краешек лавки, опустив натруженные руки на стол.

На пороге комнаты появился взлохмаченный мальчишка.словно солнечные брызги озарили избу от радостной рожицы и соломенно-желтых, выгоревших за недолгое, но жаркое, лето волос.

Митька стремительно рванулся было к столу. Быстрые пальцы матери ухватили его за ухо.

– Куда это ты наострился? – с нарочитой строгостью проговорила она, поворачивая голову постреленка в сторону рукомойника, – А кто руки мыть будет?

– Да ты что, матушка, – Митька тщетно пытался вырваться из материнских рук, – они же совсем не грязные. Вот, смотри, – он демонстративно вытянул вперед ладони. Взгляд мальчишки упал на серые от осенней земли пальцы, – Ой!

– Вот тебе и «ой», – усмехнулась Таисия и слегка подтолкнула сына в спину, – иди уже, умывайся...

Женщина снова взглянула на фотографию. «Ну, как, правильно я делаю?» Ей показалось, что ее Феденька ласково улыбнулся. На душе сразу полегчало.

1916 – Третий год Германской войны...

А весточки приходят до того редко, что иной раз даже руки опускаются. Последний раз только летом маленькую записочку с безногим солдатом из соседней Ольховки прислал. Писал, что все хорошо. «Неужели так трудно черкнуть еще хоть пару слов, грамотный ведь – один из немногих в деревне»...

Митька поспешно подошел к матери, ласково прижался влажной головой к рукам, словно осознавая ее состояние.

«Все будет хорошо, – словно бы говорил вихрастый затылок, – вот увидишь».

– Ах, ты подлиза, – Таисия нежно потрепала сына по волосам, – Бате такое не понравилось бы...

– Как это не понравилось бы, – Митька резко вскинулся, глаза стрельнули по фотографии отца, – Он у нас добрый, хороший. – Митькины глаза предательски заблестели.

– Да ты что, сынок, – всполошилась Таисия, – Вот разобьет наш батька кайзера германского и вернется. И снова будем жить как прежде, как до войны.

– Да, мамочка, конечно, – Митька склонился над чугуном, вылавливая пальцами горячую картошку.

Он, остужая, бережно перекидывал горячий клубень с руки на руку.

– Хватит баловаться, ешь-ка уже давай.

– Так горячо же...

– Привыкай, мужиком растешь. Думаешь ему, – она кивнула на мужнин портрет, – легче?

– А вот Семен Степаныч говорит, что эта война неправильная, – набив полный рот рассыпающейся картошкой, проговорил Митька.

– Неправда это, – сердито отозвалась Таисия, с трудом удержавшись, чтобы не дать сыну подзатыльник. – Не мог батька твой за неправо дело воевать...

– Не больно-то его и спрашивали, – еле слышно, чтобы мать не услышала, проговорил сын, опуская голову.

Таисия снова посмотрела на фотографию. «Феденька, хоть бы ты что сказал, – взмолилась женщина, – Подскажи...»

Неожиданный порыв ветра заставил задрожать стекла. Женщина испуганно повернулась к окну.

– Ничего страшного, – попытался приободрить мать Митька, а сам непроизвольно сжался.

Крупные капли дождя стремительно забарабанили по ветхой крыше. Серые мрачные струи с силой ударяли в землю, взбивая грязно-черные фонтанчики. Улица и двор моментально раскисли.

– Ну вот, – тоскливо проговорил Митька, – а мы с ребятами собирались идти в лес грибов пособирать. Сейчас как раз опять пошли...

– Успеете еще. Осень только началась.

Митька затравленно посмотрел на мерзкую серую стену дождя и обреченно вскарабкался на печь.

Таисия неспешно убрала со стола, ссыпала крошки в плошку домового, по старинному обычаю, и пристроилась к столу. Голова трагически опустилась на подставленные ладони. Голубые, с легкой золотинкой, глаза уже в который раз устремились к фотографии. Смотреть на нее уже года два стало привычкой. Вот так посмотришь, бывало, и словно Феденька опять рядом. Словно гладит ее по русым волосам, перебирает косу. И словно говорит: «Ну что же ты, милая, я с тобой. Я никуда от тебя не денусь. Не кручинься, любимая...»

За окном стремительно темнело.

Митька на печи перестал беспокойно ворочаться, шумно вздохнул и сладко засопел. Убаюкал его несмолкаемый шум дождя.

– Вот и славно, – проговорила Таисия и чему-то тихонько улыбнулась.

Отдельные капли начали проникать сквозь ветхую крышу, наполняя редкими звуками тишину вечерней избы.

За окном неожиданно послышались тяжелые хлюпающие шаги. Неуверенный стук раздался у двери.

– Кто это там в такую непогодь? – женщина прошла в сени и осторожно открыла дверь.

Тут же ее обхватили крепкие мужские руки и прижали к груди.

– Отстань, окаянный, – беспомощно замолотила она маленькими кулачками. – Мужняя я...

– Да ты что, Таюшка, – прозвучавший голос показался до невозможности знакомым.

Женщина подняла голову, и отчаянный взгляд наткнулся на такое родное, почти забытое, лицо мужа.

– Феденька мой, – она всхлипнула и вдруг залилась слезами.
– Успокойся, моя родная, – Федор как мог бережнее обнял жену и повлек в горницу.
От промокшей шинели пахло костром, дымом и чем-то горьковато кислым.
«Порохом...» догадалась женщина.
– Родной мой, милый, – беспрестанно повторяла она.
Вдруг засуетилась.
– Раздевайся, я сейчас покормлю тебя, – она метнулась к печи, – Митьку бы разбудить...
Крепкая мужская рука перехватила ее на полдороге.
– Охолонься, – голос прозвучал несколько строго, – незачем мальчика тревожить. Пусть поспит.
– Да как же? Батька приехал, а он будет спать...
– Пусть поспит, – возразил Федор, – я совсем ненадолго. Меня там, – он махнул рукой в сторону, – парни наши ждут...
– Какие еще парни? – вскинулась Таисия.
– Наши фронтовые, – терпеливо пояснил Федор, – Мне к ним еще вернуться надо...
Давай просто побудем вдвоем.
Он нежно прижал Таисию к себе.
Женщина облегченно прильнула к нему, стараясь поглубже вдохнуть родной запах.
– Ужинать будешь? – с робкой надеждой спросила она.
– А как же, – усмехнулся он и сбросил промокшую шинель на лавку, – Тащи все что есть.
Она счастливо рассмеялась.
– Тогда иди мой руки... А то Митька тоже постоянно об этом забывает...
– Я не забуду...
Шумно заплескалась вода, сверкающими брызгами разлетаясь в свете горящего фитилька. Ради дорогого гостя Таисия не поскупилась и вытащила дорогие свечи.
– Корми, – Федор по-хозяйски уселся за столом.
Еще не остывший чугунок снова появился на столе.
Таисия всплеснула руками.
– Может подогреть? – она посмотрела в лицо мужа сияющими глазами.
Федор шумно вдохнул сладковатый запах вареной в мундире картошки. Огрубелая рука вытащила солидную картофелину, темный палец с крепкими ногтями старательно отделяли тонкую кожицу, обнажая желтовато-белую рассыпчатую мякоть.
Таисия удовлетворенно смотрела на насыщающегося мужа...
– Все, – он поднялся и нежно привлек жену, – Пойдем в кровать...
Таисия счастливо принимала мужнины ласки.
– Как там, на фронте? – внезапно отстранилась она и тревожно посмотрела на мужа.
Мужчина словно окаменел.
– Тяжело, – наконец выговорил он, – война – она и есть война, – он тяжело помолчал. – Давай не будем об этом. Я не хочу говорить о фронте. Давай лучше – о нас.
– Да, конечно, давай о нас... – прошептала она и радостно прижалась к сильному телу Федора.
Дождь за окном неожиданно усилился. Казалось, еще чуть-чуть, и тугие струи пронзят крышу насквозь.
На печи беспокойно заворочался Митька. Таисия блаженно прильнула к Федору. Тело внезапно охватил леденящий холод. Женщина испуганно сжалась под одеялом.
– Не бойся, – мягко проник в нее шепот, – все хорошо. И все будет хорошо.
– Да? – в голосе женщины послышалась какая-то детская обида.
– Конечно, моя милая. Я же с тобой.

Широкая ладонь Федора медленно и нежно прошла по телу женщины. Тело непроизвольно вздрогнуло и расслабилось.

А он все наглаживал и наглаживал ее, шепча на ухо ласковые и нежные слова...

Наконец Таисия сладко уснула...

Разбудил ее солнечный луч – яркий и светлый, необычный для этого времени года. От вечернего дождя не осталось ни следа. И даже земля не по-осеннему быстро высохла.

Женщина сладостно потянулась. Обернулась к Федору.

Сердце екнуло. Половинка кровати, на которой вчера блаженно лежал муж, была девственно пуста.

Таисия встрепенулась и вдруг явственно услышала стук.

– Вернулся! – вскрикнула она, выбегая как есть, в ночной рубашке, в сени.

На пороге стоял незнакомый солдат в потрепанной шинели.

От неожиданного испуга женщина вжалась в угол.

– Вы кто?

– Таисия Михалева? – вместо ответа спросил он.

Она только смогла кивнуть.

Мужик неловко стащил с головы шапку.

– Твой муж – Федор Михалев – погиб.

– Не-е-ет! Он же вчера был здесь...

– Он погиб еще летом во время вылазки австрияков...

А на тропинке медленно исчезали, растворялись вечерние следы Федора...

...

– И что это было? – спросил Егор, расширив глаза.

– Я не знаю.

Егору показалось, что Дом смутился.

– Ха-ха! Не знает он, – прозвучал еще один голос.

Егор стремительно обернулся. На стуле, за столом, сидел странный человечек. Растрепанная голова его упрямо склонялась к столешнице. Руки теребили взъерошенную бороду.

– А ты кто еще такой?

– Я-то? – человечек старательно пригладил бороду, однако она тут же снова сама собой растрепалась, – Я-то? – повторил старик и добавил горделиво, – Домовой я!

– Что видел и слышал, – скрипуче буркнул Дом, – то и рассказываю...

История вторая «Сокровища»

Егор устало поднялся. Стук падающих капель нагонял тревогу.

– Вот-вот, свалится что-нибудь на голову.

– Мы уже это обсуждали, – недовольно перебил его Дом, – говорю же тебе, НЕ СВАЛИТСЯ!

– Ну, да, – отмахнулся молодой человек, – вон, что с потолка-то льется.

Дом шумно вздохнул. Над головой Егора что-то прошебаршало. На удивление молодого человека капли почти сразу перестали падать.

Егор непроизвольно посмотрел в окно. Может, дождь уже кончился? Но нет: за окном по-прежнему висела сплошная пелена серых дождевых линий.

– В кои-то веки, – произнес Дом, – нашелся человек, могущий меня выслушать..., но и он куда-то наострился.

– Да слушаю я, слушаю!

Егор удобней уселся на стуле, откинулся на заскрипевшую спинку. Руки легли на столешницу. Зашуршали под ладонями разбросанные по столу бумаги...

...

Неспокойное время наступило. Таисия с мальчонкой съехала. А новых жильцов что-то пока не ожидалось.

Время от времени где-то вдалеке слышался нестройный шум. Изредка доносились громкие хлесткие звуки выстрелов.

Но все проходило в стороне. Редко-редко кто заглядывал во двор. А еще реже, кто добирался до последнего дома.

Иван Иванович старался меньше высовываться. Мало ли что... Разве что жена на базар сбегает. А сам Иван ни-ни...

Он даже из главного дома переселился подальше, в самую глубину просторного двора.

Тут-то его явно никто не потревожит. А сам он только в окна и поглядывал. Да, что там особо рассматривать. Банька стояла, хорошая, правда, бревенчатая, да береза возле нее шевелила ветвями под шум ветра. Ничего особенного.

Тоскливо стало Ивану. Решил он как-то сам на улицу выглянуть.

Взял револьвер, на всякий случай. Осторожно выбрался на крыльцо. Скрипнули под ногами доски. Качнулись перила.

Оперся Иван о столб, навес крыльца поддерживающий. Зашепталась о чем-то своем березка.

А Ивану показалось, что она именно его предостерегала.

Оглянулся мужик на дверь. Внезапно захотелось вернуться. Неизвестно еще, кто на улице шарахается. Подумал-подумал.

– А ну, его к лешему, – проговорил Иван Иванович, перекрестился и решительно шагнул с крыльца.

Зашуршал под ногами выпавший накануне снег. Закачала головой береза. С легким шорохом ссыпались с ветвей снежные хлопья.

– Не ходи! – послышалось Ивану.

Снова перекрестился мужик. Сунул револьвер за пазуху овчинного тулупа. Вдруг да пригодится. Решительно направился к воротам.

Вернулся нескоро. Весь какой-то потрепанный, без шапки. Волосы взлохмачены. Тулуп распахнут.

Вломился Иван в сени. Дрожащие руки долго брякали засовом и крюком, запирая двери. Прошел мужик в комнату, даже сапоги от снега не отряхнул.

Тяжело рухнул на диван. Крупными комьями отвалился налипший снег. Брякнул с досадой мужик по столу кулаком.

– Что случилось-то, Вань? – всполошилась жена.

– Ничего, – отмахнулся Иван, – плесни ка мне...

Грудь его тяжело вздымалась.

Он тревожно поглядывал на окна, словно ждал чего-то...

Поставила Авдотья перед ним стеклянный штоф с выпуклым двуглавым орлом. Налила в граненый металлический стакан прозрачной жидкости. Звучно выпил Иван предложенное питье, захрустел сочными огурчиками, которые Авдотья из подпола вытащила.

Вытер Иван рот рукавом, посмотрел на женщину ошалелым взглядом.

– Черт знает, что творится, – наконец проговорил он, глядя в пустоту, – еще вчера на доме управляющего болталась красная тряпка новой нынешней власти. А теперь нет ее. Сорвали.

Он снова приложился к стакану. Задергался кадык.

– Люди по улице бегают, суетятся. У каждого, почитай, ружье или револьвер. Шапку где-то потерял.

Разглагольствования Ивана прервал громкий стук в кухонное окно.

– Ну, вот, – буркнул мужик, выкладывая на стол перед собой оружие, – началось.

– Бум-бум-бум, – повторился стук.

– Ничего не поделаешь, – Иван прокрутил барабан револьвера, сурово взглянул на жену, – иди, открывай, что ли...

В комнату ввалился запорошенный снегом сосед. В руке он сжимал винтовку.

– Ты это, Степан... чего это? – протянул Иван, подтягивая револьвер ближе к себе.

Степан стряхнул снег. Блеснула на груди потрепанной шинели серебряная медаль, полученная еще в Германскую.

– Красные бегут! – не то торжествуя, не то сожалея проговорил Степан, подходя к столу.

Снег, свалившийся с валенок, образовал небольшие лужицы.

– Ого! – Степан подхватил штоф замерзшей рукой и прильнул прямо к горлышку.

– Нно, – одернул его Иван, – не балуй!

– А что, не балуй, – взвился посетитель, – наши к городу подходят. Говорят, сам генерал Пепеляев пожаловал.

– Так ить, хорошо это, – заметил Иван, успокоившись, – почто же прямо из бутылки-то пойло хлебать?

– Надолго ли? Вот в чем вопрос?

– Что значит, надолго ли? – возмутился Иван Иванович, – да где уж красным с Пепеляевым-то справиться?...

...Прошло какое-то время. Жарко стало во дворе. Зашелестела береза листьями. Птички запели. Поднялись в огороде, какие-никакие посадки.

Но опять неспокоен стал Иван. Опять взялся боеприпасы проверять. Грохот издаля приближался к городу. Такой, что время от времени дребезжали стекла. Теперь даже Авдотья не особо покидала дом.

– Все-таки красные не оставляют нас в покое, – ворчал Иван, – то и дело поглядывая в окно, – того и гляди обратно возьмут город. Ох, и не поздоровится тогда.

– Чего не поздоровится-то? – каждый раз робко возражала Авдотья, – мы же ничего...

– Цыц, баба! – ругнулся Иван и назидательно поднял палец, – разве не знаешь, чего хотят эти самые, тьфу, большевики?

– А чего?

– Они хотят, – отдельно произнес он, стараясь придать словам больший вес, – они хотят, чтобы не было богатых...

– Так то богатых. А мы-то...

– Вот ведь баба непонятливая, – махнул рукой Иван, – А это ты видела?

Мужик торопливо задернул оконные занавески и прошел в темный угол за печкой. Он откинул крышку огромного синего, обитого металлическими полосками, сундука.

Перед глазами предстал перепутанный ворох одежды.

– И что? – отмахнулась Авдотья, – тоже мне богатство нашел...

Иван лихорадочно выкидывал из сундука вещи.

Авдотья только руками развела. Такой беспорядок устроил. Тряпки летели в разные стороны, неопрятными кучками падая на пол.

– Вот оно! – мужик торжествуя протянул жене прятанный на самом дне сундука внушительный ящичек.

Крышка, подчиняемая нажиму пальцев Ивана Ивановича, открылась.

Блеск золотых и серебряных монет показался женщине тусклым. Руки мужика погрузились в спрятанное сокровище. С веселым звоном пересыпались с ладони на ладонь монеты. Из-под золотых кругляков показались угловатые очертания царских еще орденов. Сверкнули разноцветные прозрачные камешки.

– Откуда это все у тебя? – прижав ладони к лицу, спросила Авдотья.

– Какая теперь разница, – отмахнулся Иван.

Он опасливо покосился во двор.

– Теперь красные придут. Они не будут особо разбираться. Поставят к стенке, и все.

– И что же нам теперь делать?

– От ведь глупая баба, – вздохнул Иван, – спрятать все это нужно. И понадежней.

– Понадежней? Это куда?

Иван неуверенно поскреб в затылке.

– Дома негде, – пробормотал он, оглядываясь, – давай-ка вынесем во двор. Там и прикопаем.

– Там?

– Ага, – мужик решительно закрыл ящичек, – иди-ка, проверь, чтоб никто не увидел.

Авдотья торопливо набросила платок на голову и выскочила на крыльцо.

– Ты к воротам иди, – напутствовал Иван, – на улице посмотри...

...

– И где же он все это спрятал? – Егор с трудом сдержался, чтобы не воскликнуть во весь голос.

– Да, кто ж его знает? – проскрипел в ответ Дом.

– Ты должен знать!

– Я не знаю, – признался странный собеседник.

– А кто может знать? – Егор повернулся к старику домовому.

– Банька могла знать, – нехотя отозвался тот, – или береза...

– А где они?

– Расскажу еще, – загадочно проскрипел Дом, – несколько опосля...

– А сам-то Иван где?

– Так это... увели его, – нехотя буркнул старик. Он поерзал на стуле, – Пришли двое с винтовками, и увели. И больше мы его не видели...

История третья «Напасть»

– А как же Авдотья? – задал вопрос Егор.

– Что Авдотья? – недоуменно поднял голову старик, – баба и баба...

– Она-то куда девалась?

– Да кто ее знает, – отмахнулся домовой, – съехала и съехала. Тебе-то что?

Дом натяжно скрипнул. Зашелестели отрывающиеся обои.

Егор невольно вздрогнул.

– Чего вздрагиваешь? – недовольно буркнул Дом, – говорил же, что ничего с тобой не случится.

Шум дождя за окном усиливался, но, в подтверждение слов фантастического собеседника, ни одна капля на потолке не показалась.

Егор поднял взгляд к потолку. На лицо набежала гримаса.

– Что у тебя с лицом? – тут же спросил старик.

– Что-то вы мне не все рассказываете, – усмехнулся молодой человек.

Внутри Дома что хрястнуло.

– Как это не все? – возмутился Дом.

– А второй этаж? Или он вас уж и не касается?

– Конечно, касается, – тяжело вздохнул Дом, – но я думал, что тебе больше интересно о своем послушать. А не о...

– Рассказывай, – строго потребовал Егор.

– Как скажешь... Но начну все-таки с твоего жилья...

...

После Ивана здесь поселилась молодая семья Николай и Олимпиада...

А наверху появилась молодка Антонина...

Однажды Олимпиада на несколько дней уехала к маме в деревню. Что-то там у нее серьезное произошло. Не знаю, что именно.

– Коля, а как ты тут будешь? – обернулась на пороге Олимпиада.

– Мы с Барсиком не пропадем, – Николай погладил враз заурчавшего кота, – главное, чтоб ты отдохнула.

Мужик остался один на хозяйстве. Да, что там того хозяйства? Летом-то? Огород прополоть, да еды приготовить. Только это и прибавилась к обычным повседневным делам и заботам.

Олимпиада уже две недели провела в отдалении от дома. Мужчина вышел на крыльцо. Яркое солнце заставило его прищуриться с непривычки. Он внимательно оглядел небольшой участок. За последние дни буйно разрослась наглая крапива. Из-за ее обжигающих листьев почти не видно наливающиеся соком ягоды. Лишь высокая развесистая ирга склонила отягощенные темными ягодами ветви. Сквозь заросли робко выглядывали грозди смородины. Высокие кусты малины слабо шелестели двусторонними листьями.

Николай резво принялся за работу. Колючие плети крапивы норовили хлестнуть по обнаженным частям тела и злобно шипели, когда им этого не удавалось.

Солнце припекало все сильнее. Сейчас бы скинуть рубашку, но нельзя. Крапива так и ждет, чтобы наброситься с новой силой. Нет, не следует ей давать ни малейшего шанса. Николай вытер выступивший пот и продолжил свое занятие с еще большим энтузиазмом. Остро запахло свежей землей и травой...

– Чего ты один стараешься? – звонкий голос за спиной заставил Николая вздрогнуть.

Мужчина выпрямился и обернулся. Перед ним стояла Антонина, соседка.

– А где же твоя Липа? – прервала Антонина несколько затянувшееся молчание.

Антонина всегда и все про всех знала. Как это могло случиться, что она и не ведала об отъезде Олимпиады?

– Устал, поди, – заворковала Антонина вокруг Николая, – давай я тебе массаж сделаю.

Неожиданно крепкие, пальцы Антонины ухватили его за плечи. По телу покатила сладкая истома. Николай успел заметить промелькнувшую в глубине глаз Антонины искорку. На мгновение темно-карие глаза женщины полыхнули зеленью. А потом все растворилось в руках массажистки. Одна за другой проминались мышцы. В уши настойчиво внедрялось еле слышное бормотание. Как Николай ни старался, он не понял ни слова. Тело расслаблялось и одновременно наполнялось энергией...

– Пойдем, – Антонина ухватила Николая за руку и потащила по крутой лестнице на второй этаж, – я угощу тебя целебным отваром.

Они подошли к перекошенной двери. И тут Барсик, до этого резво бежавший следом, забавно перепрыгивая редкие лужицы, взъерошился, подняв хвост трубой. Грозное шипение вырвалось из оскаленной пасти.

Словно пелена спала с глаз Николая.

– Это мы куда идем?

– Бабкин отвар пить, – Антонина игриво погладила предплечье мужчины, – бабка Анфиса хорошо целебные отвары готовила.

– В другой раз, – Николай выдернул руку и быстрыми шагами направился обратно.

– Ничего, – прошептала вслед Антонина, сверкнув глазами, – в другой так в другой...

Николай уселся на ступеньку крыльца. Ноги ощутили теплое прикосновение мохнатого бока Барсика. В лицо пахнул аромат зелени. К нему примешивался сладковатый запах свежескошенной травы. На ветвях ирги заиграли темные спелые ягоды. Мелькнул зелено-полосатый бочок недозрелого крыжовника. Легкий ветерок промчался над огородом, шаловливо тронув листву склонившейся над банькой березы.

Дрожащая рука вытащила папироску.

– Вот ведь баба, – проговорил Николай глухо.

– Какая еще баба? – словно из ниоткуда раздался голос Олимпиады.

Измятая папиросная палочка выпала из пальцев и закатилась под крыльцо. Николай поднял глаза и встретил взгляд супруги.

– Ты вернулась, – только и смог произнести он.

– Что-то тревожно мне стало, – пояснила Олимпиада.

Ночью Олимпиада никак не могла уснуть. Постоянно что-то мешало. Словно множество шевелящихся шерстинок окутало все тело. А потом начался зуд. Чесалось, казалось, сразу везде. Руки, ноги, спина... Чесались даже сами волосы. Олимпиада обеспокоенно поднялась с постели.

– Да, деваха, попала ты... – прошелестел незнакомый голос.

Женщина резко повернулась. Взлохмаченный старик сидел за столом. Рука его, собрав бороду в кулак, указательным пальцем медленно почесывала щеку.

– Что значит, попала? – осведомилась женщина, с трудом подавив неприличное желание почесаться. – А ты вообще кто? И откуда тут взялся?

– Домовой я, – отмахнулся старик, а насчет попала – посмотри сама, – коротко усмехнулся он, узловатым пальцем указывая куда-то за спину Олимпиады.

Женщина обернулась. Увиденное заставило ее вздрогнуть от отвращения. На только что оставленной постели кишели клопы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.